

М. ВОДОПЬЯНОВ
**ШТУРМАН
ФРОСЯ**

Военное детство

Михаил Водопьянов

Штурман Фрося

Издательство «Детская литература»

1973

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Водопьянов М. В.

Штурман Фрося / М. В. Водопьянов — Издательство «Детская литература», 1973 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006174-5

В книгу прославленного летчика, Героя Советского Союза Михаила Васильевича Водопьянова (1899–1980) вошли рассказы, написанные на документальном материале. О том, что происходило с автором и его боевыми товарищами, с детьми и взрослыми, повстречавшимися ему в годы Великой Отечественной войны, рассказывается в сборнике «Штурман Фрося». К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006174-5

© Водопьянов М. В., 1973
© Издательство «Детская литература», 1973

Содержание

Председатель сельсовета	7
Недоразумение	10
Штурман Фрося	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Водопьянов

Штурман Фрося

Серия «Военное детство»

Серийное оформление О. Рытман

© Водопьянов М. В., наследники, 1973

© Лурье А. А., наследники, рисунки, 1973

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Председатель сельсовета

Фронт проходил между Тулой и Орлом. Я летел с подмосковного аэродрома на передовую. Погода была хорошая, дул попутный ветер, и я очень быстро добрался до места назначения. Часа через два я уже возвращался в свою часть.

На этот раз лететь было намного труднее. Ветер, дувший прямо в лоб самолету, усилился. Скорость сократилась вдвое. Значит, должно уйти вдвое больше бензина.

Я мысленно подсчитал количество горючего и понял: хватит, но в обрез. Чтобы сократить расстояние, решил идти бреющим полетом напрямую. Лечу около трех часов. Впереди блеснула Москва-река. Отлично! Скоро наш аэродром.

А пока иду над густым лесом. Самолет сильно болтает. Внизу проплывает какое-то село, не обозначенное на карте. Сразу же за селом – снова лес.

Вдруг останавливается мотор: кончился бензин. К счастью, слева, недалеко от села, я заметил небольшую лужайку и благополучно сел.

Вылез из самолета, вижу: из села со всех ног несутся ребяташки. Первыми подбежали два загорелых пионера. Спрашиваю:

– Есть ли тут поблизости телефон?

– Есть! – радостно отвечают они. – Видите дом с красной крышей? Это сельсовет. Оттуда можно позвонить.

Около сельсовета я встретил двух девушек. На вид им было лет по шестнадцать-семнадцать, не больше. Одна – светлая, с широко открытыми серыми глазами на круглом полудетском лице – спросила меня:

– Вы в сельсовет, товарищ летчик?

– Да. Хочу позвонить в свою часть.

– А как вы сюда попали? – Ее лицо стало строгим и немножко важным.

«Какие дотошные девчонки! – раздраженно подумал я. – И что им за дело? Нашли время допрос снимать!»

Но я ответил спокойно и даже шутливо:

– Вы же видели: самолет сел на вынужденную...

– А вы не сердитесь, – ответила другая. – Сами понимаете – война...

В это время снова вмешалась решительная девушка с детским лицом и категорически предложила:

– Предъявите документы!

– А вы, собственно говоря, кто будете?

– Председатель сельсовета!

Признаться, я чуть не ахнул вслух. «Да, – думаю, – вот что делает война... Ведь это же еще школьница, а на такой важной выборной должности...»

Пока я с сожалением смотрел на этого председателя, девушки рассмотрели мои документы.

Тут одна говорит другой:

– Шура, ведь это же товарищ Водопьянов!

Видю, мой председатель немного смутился, но достоинства не теряет и говорит мне спокойно:

– Пойдемте, я позвоню сама. Телефон у нас капризный – не всех слушается.

В часть мы дозвониться не сумели, но сообщили о вынужденной посадке секретарю райкома.

Он прислал за мной машину, и, оставив самолет под охраной колхозников, я уехал.

Но мое знакомство с председателем сельсовета на этом не кончилось.

На другой день я вернулся за самолетом. Меня ждали. В клубе было празднично убрано. Колхозники попросили меня рассказать, как воюют наши летчики.

Потом Шура Савёлова, как настоящая хозяйка, стала меня знакомить с сельским, как она сказала, активом.

– Вот наш секретарь сельсовета, – подвела она меня к почтенному старику с длинной бородой, похожему на старую икону. – А вот наши председатели колхозов и члены правления, – представила она мне других.

Все чинно кланялись мне, я – им.

Потом я увидел в стороне группу смеющихся девчат. Шура подводит меня к ним:

– А это наши лучшие колхозные бригадирши.

Бригадирши сделали серьезные лица и торжественно протянули мне руки.

Но вот перед нами сидит на лавке, как воробьи на телеграфном проводе, целая стайка подростков.

– Это, – сказала Шура, – молодые помощники механиков и трактористов.

Батюшки ты мои! У этих трактористов ноги висят в воздухе, до полу не достают...

Глубокая горечь охватила мою душу: вот, думаю, что сделала война... Признаться, мне было от души жаль эту молодежь, на плечи которой легла столь ранняя ответственность.

Но чем дольше и внимательнее присматривался я к молодым колхозникам, чем больше разговаривал с ними, тем на душе у меня становилось радостней и легче. Сознательно, с огромной любовью трудились они для своей Родины.

– Мы так считаем, – сказал один парнишка, – что каждый мешок зерна – это лишняя бомба на врага. Правильно? Или, может, два считать надо?

Мы долго дружески беседовали с колхозниками. Старики очень хвалили председателя сельсовета.

– Молода, а толкова, – говорили они солидно. – При ней у нас сельсовет лучшее место в районе занял. А ведь только в прошлом году школу окончила...

Я все с бóльшим уважением смотрел на эту девушку, которая заставила людей намного старше ее не только полюбить, но и уважать себя.

В тот же день я побывал в гостях у Шуры Савёловой. Она жила одна. Отец ее и три брата были на фронте.

В домике оказалось очень чистенько, уютно. На столе еще лежали ученические тетради Шуры. Но теперь я уже не относился недоверчиво к тому, что «школьным духом пахнет». Мне это уже нравилось.

После победы я поехал посмотреть, как живут и работают мои знакомые колхозники.

Буйно колосился урожай. Сельсовет по-прежнему занимал первое место в районе. Но председателя мне повидать не удалось: Александра Савёлова рано утром уехала в Москву – подавать заявление в Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева.

– Еще приедешь к нам, – сказали мне колхозники, – она либо председателем исполкома, либо академиком будет.

Недоразумение

Однажды во время Отечественной войны летчик Павел Михайлов, ныне Герой Советского Союза, получил задание доставить в город Миллерово полковника с секретными документами. Для большей безопасности полет должен был состояться ночью. На подлете к городу Михайлов увидел яркие лучи прожекторов. Во многих местах поднимались огненные фонтаны зенитных снарядов и трассирующих пуль.

– Город и аэродром бомбят фашисты, – сказал летчик.

– Придется подождать, когда кончат. Задание должно быть выполнено.

Летчик стал делать круги в сторонке, выжидая.

Но бой не прекращался, а, наоборот, разгорался.

Михайлов забеспокоился, что в ожидании истратит весь бензин. Он решил зайти с другой стороны города. Только стал разворачиваться, как вновь показались вражеские самолеты. Снизу по ним давали сильный огонь. Начали стрелять и в Михайлова: ведь ночью не видно, свой самолет или чужой!

Три прожектора поймали машину Михайлова и не выпускали ее из своих лучей. Зенитки палили наперебой. Кабину так ярко осветило, что летчику ослепило глаза и он перестал различать показания приборов. Невозможно разобрать, какая скорость, правильно ли идет самолет.

Стараясь уйти от прожекторов, летчик снижал машину, развивая бешеную скорость. Наконец ему удалось уйти от ослепляющих лучей, и он увидел, что летит со скоростью трехсот пятидесяти километров, а до земли осталось всего метров пятьдесят.

Сейчас машина врежется в землю... Холодный пот выступил на лбу у пилота. Он резко рванул штурвал на себя и, над самой землей выровняв самолет, пошел в сторону.

В это время Михайлову бортмеханик доложил:

– Пробиты баки! Бензин вытекает! Немедленно надо садиться!

Но куда? Ведь ничего не видно.

Летчик осветил землю своими фарами. Под самолетом он увидел кустарники и овраги. Сесть негде... Командир резко развернул самолет и решил тянуть на аэродром – будь что будет... И вдруг заметил на краю оврага более или менее ровную площадку. Михайлов не задумываясь повел машину на посадку. Самолет коснулся земли, летчик выключил моторы и нажал на тормоза. Перед самым оврагом машина остановилась. Не успели люди порадоваться благополучной посадке, как раздался женский голос:

– Руки вверх!

– Да мы свои...

– Руки вверх! Стрелять буду!

Ничего не поделаешь, пришлось поднять руки.

К самолету подошли несколько девушек.

– Обыскать! – скомандовала одна.

Девушки отобрали у всех пистолеты.

– Нефёдова, – командует все та же, – беги к командиру, доложи, что наша батарея сбила фашистский самолет. Экипаж взят в плен.

– Есть, товарищ старшина, доложить командиру!

Девушка козырнула, повернулась кругом по всем правилам воинской дисциплины и помчалась выполнять приказ.

– Послушайте, товарищ старшина, – сказал тогда полковник, – вы же видите, что мы не немцы. Посмотрите на самолет – на нем красные звезды. Мы вам сейчас предъявим документы.

– Мало ли что звезды да документы! Это все сделать можно. А зачем вы бросали на своих бомбы, если так?

– У нас пассажирский самолет, – вмешался тут Михайлов. – Какие же могут быть бомбы?

– Прекратить разговоры! – заявила старшина. – Там, на батарее, разберемся.

Пошли на батарею. По дороге полковник, летчик и бортмеханик, которые были очень довольны благополучной посадкой, начали вслух обсуждать свое положение.

– Вот это здорово, товарищ полковник! – сказал Михайлов. – Вам приходилось когда-нибудь в плен к своим попадать? Я – в первый раз!

– А девушки – молодцы! – ответил полковник. – И стреляют неплохо, и принимают хорошо. Только не очень вежливо!

– Как это – неплохо стреляют? – вмешался бортмеханик. – Очень даже здорово! Вы посмотрите на машину! Хорошо еще, что они нас не продырявили.

Девушки шли всё это время молча и не показывали виду, что разговор касается их. Когда дошли до командного пункта, старшина доложила:

– Товарищ командир! Эти люди с того самого самолета, который носился над нами и чуть не задел колесами нашу батарею. Они хорошо говорят по-русски и уверяют, что свои.

Командир поднял голову и, ни слова не говоря, пристально всматривался в «пленных».

– Ваша фамилия? – спросил он Михайлова.

Тот ответил.

– Я вас знаю, – сказал тогда командир просто. – Вы прилетали к нам на аэродром. Садитесь, товарищи, и для порядочка предъявите документы: как и что... А на наших девушек не обижайтесь!

На лице старшины появился густой румянец.

– Извините, – сказала она, – получилось недоразумение.

– Никакого недоразумения нет! – весело ответил ей полковник. – Вы молодцы! Так и надо действовать. – Он крепко пожал всем девушкам руки и добавил: – Сегодня же позвоню в штаб противовоздушной обороны и попрошу, чтобы вас отметили в приказе.

Штурман Фрося

Однажды к нам в полк пришла скромно одетая белокурая девушка.

Мы, летчики и штурманы, только что закончили подготовку к боевому вылету и собирались пойти пообедать. Кто-то решил, что она пришла наниматься подавальщицей в столовую, и ей предложили:

– Пойдемте, девушка, с нами. Мы как раз в столовую идем.

– Спасибо, я не хочу есть!

– Ну, с заведующим поговорите.

– Спасибо, мне не нужно.

– А кто же вам нужен?

– Командир полка.

– Интересно, по какому же делу, если не секрет?

– Видите ли, – охотно ответила девушка, – когда я кончала десятилетку, я одновременно училась в аэроклубе летать. Теорию сдала отлично, а практически оказалась малоспособной: поломала машину и меня отчислили.

Кое-кто засмеялся, но многих ее откровенный рассказ заинтересовал.

– Вы что же, – спросили ее, – хотите поступить в наш полк?

– Да.

– Вам незачем идти к командиру.

– Почему?

– С такой практикой вы нам не подойдете.

– Но вы ведь меня еще не знаете, – возразила девушка. – Я окончила школу штурманов и работала уже в отряде. А потом заболела, и меня отчислили в резерв. Сейчас я здорова, и мне стыдно сидеть дома, когда все воюют.

– Нет, вы все равно не подойдете, – сказал ей старший штурман. (А я в это время подумал: «Молодец, настойчивая! Люблю таких».) – Наши штурманы летают ночью и имеют большой опыт, а вы?

– Я тренировалась и ночью.

– А сколько вам лет?

– Скоро двадцать два будет.

– Многовато, – сказал кто-то, и все засмеялись.

– С таким штурманом полетишь и заблудишься – домой не попадешь! – заметил один из наших летчиков.

Девушка начала кусать губы, чтобы сдержать слезы. Немного помолчав, она взяла себя в руки и сказала:

– Что ж, за смех обижаться не приходится, а серьезно меня никто не обидел. Спасибо и на этом!

Она повернулась и быстро пошла к воротам.

Всем стало жаль ее. А я, глядя вслед уходящей, вспомнил свою молодость, свое непреодолимое желание летать, насмешки отца, который говорил, что мне «летать только с крыши».

– С характером девушка! – сказал главный штурман.

– По-моему, – заявил я, – надо попробовать ее потренировать. Характер подходящий.

Девушку вернули. Командир предложил ей пройти медицинскую комиссию и сдать испытания.

Скоро у нас в отряде появилась новая боевая единица – штурман Фрося, как ее все звали.

Фрося оказалась способным, грамотным штурманом. Кроме того, она знала радио и хорошо работала на ключе. Сначала ее посылали на боевые задания с опытными мастерами своего дела. Но вскоре она была допущена к самостоятельным полетам и начала работать с летчиком Беловым.

Однажды они вылетели в район Брянска. Связь Фрося всегда держала прекрасно. На этот раз они имели скромное задание – разведать погоду. Каждые пятнадцать минут мы получали от нее сообщения. Вдруг связь на некоторое время прервалась. Затем Фрося сообщила: «В районе Брянска большое скопление танков. Бросаю бомбы». Опять наступил перерыв – и новое сообщение: «Самолет горит. Летчик ранен. Стрелок убит». На этом связь была прервана.

У нас в полку сильно загоревали. Многие поговаривали, что, будь на месте Фроси старый, опытный штурман, надежда на спасение людей еще таилась бы. «Дивчина она хорошая, но бывалый человек в таком положении оказался бы полезнее» – так судили у нас в полку.

Тем временем от потерпевшего бедствие экипажа никаких сведений не было. Белова и Фросю считали погибшими.

Прошло три месяца.

Стояла глубокая зима. В гуще Брянских лесов скрывалось немало партизанских отрядов. Летчики нашего полка довольно часто получали задания на Малую землю: мы возили партизанам продовольствие, оружие, одежду, вывозили раненых.

Однажды, когда из такого полета вернулся самолет, на его борту оказались Белов и наша Фрося.

Трудно рассказать о радости, испытываемой военными людьми, когда к ним возвращаются товарищи, которых считали погибшими! Фросю и Белова буквально на руках вынесли из самолета... И уж действительно ни с чем не сравнима была наша радость и гордость, когда мы услышали историю их спасения.

Фрося скромно молчала. А Белов рассказал нам вот что.

Когда загорелся самолет, Белов был тяжело ранен в бедро. Он не мог двигаться. Фрося вложила ему в руку парашютное кольцо и помогла перевалиться через борт машины. Тут же она прыгнула сама. Приземляясь, раненый летчик не мог амортизировать ногами и от острой боли потерял сознание.

– Надо сказать правду, – рассказывал Белов, – что, когда Фрося нашла меня на опушке леса без чувств, она решила, что я умер. Тут наш штурман повел себя не по-мужски: она кинулась на мой «труп» и так разревелась, что привела меня своими слезами в сознание. Начиная с того момента, когда она обнаружила, что я жив, ее поведению может позавидовать любой храбрейший и мужественный боец и разведчик.

Положение наше было тяжелое. Двигаться я не мог. Аварийного пайка могло хватить на два дня, и то по самой скромной порции. Кроме того, нас легко могли обнаружить фашисты. Неподалеку упал наш самолет – мы видели зарево от догоравшей на земле машины. Этот костер мог привлечь внимание врагов.

Уж не знаю, откуда у Фроси столько силы: она взвалила меня на спину и понесла. От боли я снова потерял сознание. Не знаю, сколько времени она меня так протащила. Говорит, что недалеко, но, по-моему, это неправда.

Я очнулся снова уже в шалаше, на довольно мягкой «постели» из сухого мха. Убежище наше было прекрасно замаскировано, но положение трудное. Есть было нечего. Рана моя горела, и я по-прежнему совсем не мог двигаться.

Мы решили расстаться. Сидеть нам обоим в шалаше – значило обречь себя на голодную смерть. Если же Фросе удалось бы найти партизан или местных жителей, которые взялись нам помочь, мы были бы спасены. Она ушла в разведку.

Фроси не было два дня... Остальное пусть она сама рассказывает.

– Товарищ командир, – взмолилась Фрося, – я не умею. Вы уж начали, вы и продолжайте!

– Как же я расскажу о том, чего не видел?

– Вы и так всё знаете лучше меня!

– Ну, смотри не обижайся... Так вот, друзья мои, что сделала Фрося, – продолжал Белов. – Не найдя в лесу партизан, она проникла в занятый фашистами районный городок. Она сумела войти в доверие к фрицам, и ее приняли в офицерскую столовую. Товарищи дорогие, если бы вы знали, какие изумительные блюда она мне приносила! Один раз умудрилась даже дотащить мороженое... Но разве дело в том, что она старательно выбирала для меня все самое лучшее! За каждый вынесенный для меня кусок, за каждый тайный уход в лес она рисковала жизнью. Я лично так считаю, что, добывая и доставляя мне питание, она совершала подвиг самого высокого героизма.

Тут Фрося надулась, покраснела и сказала совершенно серьезно:

– Как вам не стыдно, Николай Павлович!.. Никогда не думала, что вы станете такое говорить...

– Сама виновата! Я предлагал тебе рассказывать – не захотела. Теперь не мешай!

– Правильно! – зашумели летчики. – Фрося, к порядку!

– Я вам еще не то расскажу, – продолжал Белов. – Однажды она явилась ко мне с целым провиантским складом, им можно было полк накормить! При этом она заявляет, что, мол, не ждите меня – целую неделю не приду.

Я спрашиваю, как и что, – она отмалчивается. Когда я стал беспокоиться, что ее заметили, она рассказала, что ничего страшного нет: просто ей нужно связаться с партизанами, и всё.

Пожалуй, время, когда она отсутствовала, было для меня самым тяжелым за все дни нашего бедствия. Я не мог ни есть, ни спать. Никогда в моей жизни дни не тянулись так медленно. Я воображал себе всяческие несчастья, которые могли случиться с Фросей, проклинал свое беспомощное состояние, и мне не раз приходила в голову сумасшедшая мысль: выбраться из своего логова. Но как я мог прийти ей на помощь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.